

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

Многие аналитические материалы о поэтическом творчестве Некрасова убеждают в родственной связи его стихов и поэм с картинами художников-передвижников, с последующими живописцами демократического лагеря. Прежде всего называются имена К.Савицкого, Перова, Ярошенко, Касаткина... В этом характерном ряду гораздо реже упоминается имя Григория Григорьевича Мясоедова (1834–1911), а ведь его разноплановое и многожанровое искусство, некоторые биографические факты нередко пересекаются, совпадают, сближаются тесно, до невероятной близости и сходства.

Оба наших героя появились на свет в небогатых дворянских семьях, оба встретили детство в провинции: поэт – в Ярославской губернии, художник – в Тульской. Университетские годы Некрасова и пора учебы Мясоедова в Академии художеств в Петербурге были одинаково отмечены нуждой и постоянной заботой о заработке на хлеб насущный. Оба перебивались случайной работой, поэт, – если повезет, на журналистском поприще, художник – где придется. Последний вспоминал, как доставалась ему копейка: «Жил я, как и большинство студентов Академии художеств, на Васильевском острове в

Г. Мясоедов.
Автопортрет.
Масло. 1878.

Земство обедает.
Масло. 1872.

бедной комнате. Источником существования моего была работа в кондитерской, где пеклись пряники – я с товарищем раскрашивал их». Поэт вспоминал: «Учиться и зарабатывать свой хлеб было трудно, – и я бросил». Некрасов не получил полного и официального университетского образования. Мясоедов не закончив гимназического курса в Орле (и Некрасов досрочно покинул Ярославскую гимназию), поступил в Академию художеств, где учился у мастеров старой классической школы А.Маркова и Т.Неффа, и явно тяготился заданными стереотипами академизма.

Мясоедов свой раннеакадемический период начинал повествовательно-бытовыми полотнами, посвященными деревенской жизни, народным типажам и людям, близким этой скромной патриархальной среде. Художник еще не мыслил острыми коллизиями народной судьбы, категориями общественных отношений, демократическими идеалами. Как в первом сборнике Некрасова «Мечты

и звуки», в картинах художника не было серьезной стержневой основы. Ее заменяла бытовая сюжетность, всё держалось на традиционном жанризме и добротном живописном исполнении. Так появились полотна «Урок

Чтение Манифеста 19 февраля 1861 года.
Масло. 1873.

Жница.
Масло. 1880-е. ▷

Девочка в лесу.
Масло. 1871. ▷

Самосжигатели.
Масло. 1884.

Некрасова, а Герцен печатал в «Колоколе» стихи поэта-демократа и дал ему убедительную характеристику: «Это поэт очень замечательный – своей демократической и социалистической ненавистью». Общий круг рождал совместные идеи и планы. С художником Ге обсуждалась животрепещущая тема создания организационного объединения русских художников, их творческого сплочения в достижении демократических идеалов и чаяний, большей и теснейшей близости к народу, задачи его просвещения. На родину Григорий Григорьевич вернулся с планом осуществления «Товарищества художников», с идеей передвижных выставок. Он работал над Уставом Товарищества, опираясь на передовые взгляды и поддержку Крамского, Перова, Шишкина, в течение сорока лет был активным участником объединения, а по сути – столпом передвижничества-подвижничества русских художников Москвы и Петербурга.

В пандан общественной деятельности Мясоедова поэт и журналист Некрасов «наполнил жизнь борьбою за идеал добра и красоты». Он не только осуществил аналогичное эстетическое «хождение в народ» своей поэзией, но и как руководитель прогрессивных журналов «Современник» и «Отечественные записки» разговаривал с широкой аудиторией общества, как, скажем, передвижники организовывали выставки в Киеве, Харькове, других российских городах. Нечто подобное Товариществу художников

пряжи», «Деревенский знахарь», «Поздравление молодых в доме помещика». Первой исторической картиной Мясоедова был экскурс в образный мир пушкинского «Бориса Годунова»: за композицию «Бегство Григория Отрепьева из корчмы на литовской границе» автор получил Большую золотую медаль Академии и право на шестилетнюю командировку за границу. Некрасов также выезжал во Францию и Италию. Но круг европейской географии Мясоедова был шире и более связан с его творческой работой. Он жил и набирался впечатлений в Италии, Германии, Бельгии, Швейцарии, Франции, Испании, Австрии, выезжал в Сербию на театр военных действий войны с турками.

Молодой Мясоедов был еще далек от критического реализма и идейного радикализма Крамского, но уже был на пути к новому демократическому искусству второй половины XIX века. Живя во Флоренции, пенсионер Академии сблизился с Николаем Ге, последний познакомил его с Герценом. Заметим, что Ге писал портрет

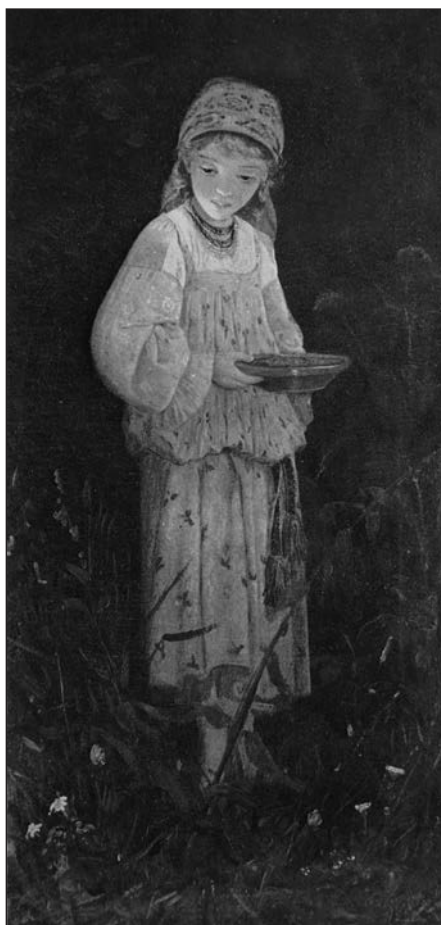
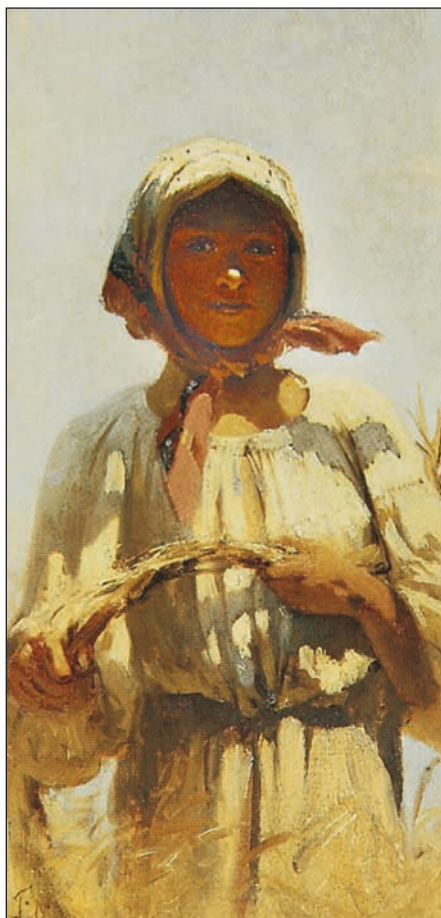
В пандан общественной деятельности Мясоедова поэт и журналист Некрасов «наполнил жизнь борьбою за идеал добра и красоты». Он не только осуществил аналогичное эстетическое «хождение в народ» своей поэзией, но и как руководитель прогрессивных журналов «Современник» и «Отечественные записки» разговаривал с широкой аудиторией общества, как, скажем, передвижники организовывали выставки в Киеве, Харькове, других российских городах. Нечто подобное Товариществу художников

существовало и в биографии Некрасова. Так, он был до конца жизни активным членом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Еще одна важная параллель. У поэта и художника была одна и та же духовно-творческая среда, их сближали общие коллеги, единомышленники, находящиеся друг от друга в одном-двух рукопожатиях.

В журнальной деятельности Некрасова состоялись встречи с лучшими русскими писателями. Он сотрудничал, дружил, боролся плечом к плечу с Добролюбовым, Белинским, Чернышевским. Его соратниками или сочувствующими передовым идеям времени были Л.Толстой, И.Тургенев, М.Салтыков-Щедрин, А.Островский, Д.Григорьевич, Г.Успенский... Поэт вспоминал об этом товариществе с глубоким чувством, особенно о Белинском: «Мы с ним вдвоем часов до двух ночи беседовали о литературе и о разных других предметах. После этого я всегда долго бродил по опустелым улицам в каком-то возбужденном настроении, столько для меня было нового в высказанных им мыслях». Те же настроения рождались у Мясоедова после бесед и споров в кругу Товарищества. Кроме общения с коллегами, у него был еще один источник вдохновения, размышлений, духовного роста. Это ему давали встречи со знаменитыми русскими композиторами, впоследствии представителями «Могучей кучки». Дело в том, что в детстве художник занимался музыкой, хорошо освоил скрипку и альт. Поэтому таким естественным и радостным было для него общение с Кюи, Балакиревым, Мусоргским, Бородиным, Римским-Корсаковым...

Творческая среда, насыщенное духовное пространство сказывались и в искусстве Мясоедова самым непосредственным образом. Он писал портреты замечательных современников – Бунина, Гаршина, Шишкина, скрипача Вальтера... Увлечшись толстовством, художник создал большую композиционную картину «Чтение «Крейцеровой сонаты» Льва Толстого». И здесь сказался острый портретизм мастера: он создал психологические характеристики слушающих повесть В.Стасова, Д.Менделеева, Н.Ге, В.Короленко. Последний высоко оценил картину, хотя она писалась явно на излете гражданской патетики автора. К подобным же жанристским опусам принадлежит еще более позднее полотно: «Мицкевич в салоне Зинаиды Волконской импровизирует

Пушкину». Художник еще не родился, когда хозяйка салона прославилась как писатель, певица и даже автор знаменательной оперы «Жанна д'Арк», в которой исполняла заглавную партию. Но более всего она была известна своим блестящим талантом создавать творческую ауру, объединять замечательных людей на своих незабываемых вечерах. Это именно она устроила торжественные проводы жён декабристов в Сибирь. И в этом переключке с поэмой Некрасова «Русские женщины», с образом Марии Волконской. В полотне снова художником даны убедительные портретные характеристики, в том числе Чаадаева, Баратынского, Вяземского. Более всего тщаний и вдохновения вложено в образ Пушкина. Даже подготовительный портрет великого поэта правдив и впечатляющ. Здесь снова нить, связывающая увлеченного своим героем художника и Некрасова, с благоговением перечитывающего «Евгения Онегина» и свободолюбивую лирику Пушкина.

Что касается идейной, свободолюбивой, представляющей защиту интересов народа живописи, она в основном создана в 1870-е годы. Неслучайно Мясоедов – один из ярких художников-семидесятников. Его основные и принципиальные для истории передвижничества картины – «Земство обедает» и «Чтение Манифеста 19 февраля 1861 года». Это первые ласточки обличительного жанра в творчестве художника. В это же время Некрасов продолжал работу над своим главным эпохальным произведением – поэмой «Кому на Руси жить хорошо». Он писал ее около 13 лет до самой кончины и воссоздал широкую панораму жизни русского крестьянства, обманутого реформой.

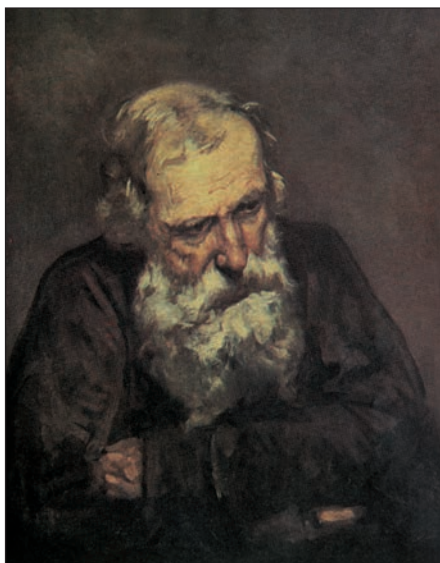
И в других своих произведениях поэт критически размышлял, с горечью обсуждал, недоверчиво иронизировал над этим событием: «Я видел красный день: в России нет раба! И слезы сладкие я пролил в умиленьи... Народ освобожден, но счастлив ли народ?». Этим вопросом задавался и художник в своих программных произведениях, но его недоверие к освобождению крестьян было более сдержанным, внутренне скрытым, пристально изучающим и в целом говорящим о горьком разочаровании и сострадательном участии к народной судьбе. Да и язык живописи не особенно располагал к однозначным выводам и толкованиям, в картинах бесспорно и убедительно было главное – реалистически-точное, художественно цельное, челове-

ски-сочувственное изображение автором своих героев. Эти искусно и безупречно написанные лица, психологически ёмко воссозданные типажи, словно воплощенные в зримых образах персонажи поэмы Некрасова. Поэт показал, что «освобожденному» крестьянству живется по-прежнему тяжело. Сами названия деревень в поэме: Заплатово, Дырявино, Разутово, Горелово, Неелово свидетельствуют о безрадостном существовании жителей. А в главе «Счастливые» явлена целая вереница замученных нуждой и голодом людей. Счастливыми совсем не выглядят и персонажи Мясоедова. Земство, действительно, вкусно обедает, но крестьянские сноровистые и неглупые мужики так и не допущены к общему столу.

Образ Сеятеля – общий, выстраданный, многократно воплощенный и для Николая Некрасова, и для Григория Мясоедова. Даже по названиям работ художника очевидны его интерес, погруженность, стремление к магистральной теме: «Сеятель», «Жница», «Страдная пора. Косцы», «Зреющие нивы», «Дорога во ржи», «Старик крестьянин». И Некрасов со всей огромной глыбой его поэзии представляется нам певцом народа-пахаря. Он хорошо видел, как тяжела и беспросветна его жизнь, слышал, как стелется горестный стон над бескрайним простором лугов и полей. Только картины русской природы заметно скрашивали тоску-печаль крестьянской жизни. Эта мысль, эти образы пронизывают и творчество Некрасова, и искусство Мясоедова. От прямолинейной жанровой сюжетности художник нередко устремляется к пейзажному лиризму, к проникновенно написанным картинам природы Харькова, Орловщины, Тульской губернии, крымских уголков, Полтавщины. При виде этих лучших образцов русского пейзажа в воображении возникают некрасовские элегические картины:

*Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели...*

Конечно, в плане внетворческих увлечений Некрасов-охотник ближе всего соотносится с Перовым, ловцом птиц, страстным любителем охоты, автором известных картин на эту тему. Но внутренне, сокровеннейше

Старик крестьянин.
Масло. 1872.

Поздравление молодых в доме помещика.
Масло. 1860.

Дорога во ржи.
Масло. 1881.

Некрасов всё же близок Мясоедову. Художник хорошо усвоил постулат передвижников: стремление к реальному, повседневному, поиски прекрасного в простом и естественном. Поэт с его богатым и выразительным языком посвятил много строк природе. В его стихах перед нами распахиваются бесконечные дали и широкие поля, осеннее жнивье и зимние дороги, лунные ночи и волненье могучей реки. В творениях и художника, и поэта любовь к природе взаимосвязана с интересом к народным традициям, обрядам, поверьям, обычаям, быту, фольклору, особенно к песням и преданиям старины. Эти образы щедро рассыпаны на страницах стихов и поэм Некрасова.

У Мясоедова есть целый ряд картин на обрядово-бытовую тему, раскрывающих историю крестьянских воззрений и магических воздействий на природу. Полотно «Опахивание» посвящает зрителям в обряд бережения крестьянского хозяйства от падежа скота проведением пограничной борозды плугом, в который впряжены обнаженные девушки. В картине «Молебен на пашне о даровании

дождя» автор сосредоточен на катастрофической для земледелия угрозе засухи и неурожая. Картины «Заклинания», «Деревенский знахарь», «Девочка в лесу», «Смотрины невесты» знакомят с деревенскими обычаями, суевериями, с языческим волшебством повседневной жизни крестьян. Это также важная часть народного мира, его не слишком веселая, немного мистическая поэзия. У Некрасова постоянно варьируется тема отчего дома, родной стороны, крестьянской «избёнки убогой» и разоряющихся дворянских гнезд.

Чувство дома, теплого очага, счастливого мгновения возвращения с чужбины присутствует и в личных судьбах поэта и художника. Некрасов был привязан сердцем к ярославской Карабихе, Мясоедов – к поместью Павленки на Полтавщине, где прожил 22 года, наслаждаясь большим фруктовым садом, любительскими спектаклями, дорогими гостями, составляющими тесный и милый музыкальный кружок. Гости Некрасова – писатели, сотрудники по журнальной работе, охотники из ближайших мест. Редкие часы отдыха, дни общения и культурного досуга... И снова мучительный и желанный творческий труд. Много написано поэтом в Карабихе. Художник и до Полтавщины создал обширное живописное и графическое наследие (кроме рисунка, он успешно занимался офортом).

Григорий Григорьевич осваивал в живописи любопытные исторические сюжеты. Образ молодого Петра он запечатлел в многофигурной композиции «Дедушка русского флота». Теме раскола в русской вере художник посвятил полотно «Сожжение протопопа Аввакума» и «Самосжигатели». Под влиянием Брюлловского романтизма написаны холсты «Испанец» и «Похоронный обряд

испанских цыган». Мясоедов был не чужд жанра автопортрета. Две работы 1870-х были еще в традиции застывших и лаконичных самоизображений первой половины XIX века, в духе Неврева и Перова. Поздний автопортрет, датированный 1907 годом, с драматичным названием «Сам с собою, или Игра в шахматы», действительно, раскрывал драму одиночества и подводил итог жизни художника, после него автор прожил еще четыре года. Откуда такая горечь в самом конце пути, достойного и честного?

Мы знаем много о жизни Некрасова, увы из-за смертельной болезни не достигшего солидного возраста своего современника. А что можно сказать о личности последнего? В книге «Воспоминания о передвижниках» Я.Минченков пишет о своем старшем товарище: «Я застал Григория Григорьевича в Товариществе во вторую половину его жизненного пути... Внешность Мясоедова живо стоит в моей памяти.

Высокий старик с умным лицом, длинным и немного искривленным набок носом, с сухой саркастической улыбкой тонких губ, прищуренными глазами. Голос у него был громкий – бас, но уже надтреснутый от старости. В речи – оригинальные, передовые мысли, парадоксы, часто ирония или едкий сарказм. С Мясоедова Репин написал своего Грозного...».

К этому можно прибавить наблюдения других современников художника о его приступах немотивированной вспыльчивости, внезапных гневных высказываний, о его отстаивании любой ценой своих взглядов, не всегда верных и справедливых. В конце жизни художник сделался непроницаемым консерватором, например, не принимал и отвергал свежее дыхание новоявленного импрессионизма, даже поэтические пейзажи Левитана казались ему подозрительными. По своему публицистическому темпераменту Мясоедов и Некрасов были, несомненно, схожи. Первый как теоретик искусства, второй как литературный критик были принципиальны и неуступчивы в своих статьях и устных выступлениях. Им были присущи острый полемический стиль, некое интеллектуальное превосходство над оппонентом, ораторское вдохновение и полная убежденность в своей правоте.

И поэт и художник, как представляется, не были счастливы в своем потомстве. Оба состояли в гражданских браках. От связи Некрасова с Панаевой дети умирали в младенчестве. Гражданский брак Мясоедова с собственной ученицей подарил ему сына Ивана. Но, по воспоминаниям современников, это был нежеланный подарок. Отец как-то сразу невзлюбил своего отпрыска, как будто предчувствовал, насколько чуждым ему он окажется в будущем. И предчувствия эти оправдались с лихвой. Получив серьезное художественное образование и обладая очевидным талантом, Иван Мясоедов сделался опасным авантюристом, будучи не раз судим за изготовление фальшивой валюты. Стихийно свободная и соблазняющая необыкновенными переменами и взлетами атмосфера начала XX века благоприятствовала молодому человеку. Он стал эпатажным художником, цирковым атлетом, нудистом-дионисийцем, позже оказался в белогвардейской среде отступающих деникин-

цев, за границей имел высокую клиентуру как салонный портретист, а в годы фашизма не брезговал коллаборацией с режимом. Быть может, что-то преувеличено «биографами», но невозможно преувеличить фантастический контраст между цельной, идейно убежденной личностью отца и артистически-циничной натурой сына со множеством неприглядных личин. В декабре 1911 года И.Мясоедов попросил выдающегося скульптора Сергея Меркурова поехать в Полтаву к умирающему отцу, – ваятель был известен искусством посмертной маски. Но из этого получилось нечто большее: лепка головы и перевод ее в каррарский мрамор породили новое драматичное произведение, которое называется «Агония».

В судьбах художника Г.Мясоедова и поэта Н.Некрасова, кроме разочарований с потомством, было немало радостного, душевного, вдохновляющего. В зрелом возрасте они были состоятельными людьми, способными и расположенными к благотворительности, заботящимися, если не о своих детях, то вообще о подрастающем поколении. Так, Мясоедов в 1893 году вошел в состав профессоров Академии художеств. В его служебные обязанности и личные намерения входило стремление развивать художественное образование в России, способствовать созданию новых и полноценной работе уже существующих школ.

В частном порядке Мясоедов открывал «классы» рисования и живописи у себя на Полтавщине. А Некрасов на свои средства организовал школу для крестьянских детей в селе Аббакумцево Ярославской области. Самое же главное, объединяющее и роднящее сходство, сомасштабность, сопутствие этих замечательных людей, безусловно, состояло в том, что они остались в истории отечественной культуры своей целеустремленной идейной позицией в поэзии и живописи, а также, на своих участках общественной деятельности, своей сосредоточенностью в творчестве на гражданской тематике, приверженностью реализму и просветительской миссии литературы и искусства. Они горячо и искренне верили в народ, в его будущее, в его созидательные силы, в его талант и достоинство.

Н.МИХАЙЛОВ